

Учительница русского языка и литературы резким движением руки вонзила карандаш себе в горло. Невзирая на острую боль, женщина оставалась спокойна, сидя в пустом классе за столом в крошечной тьме. Кровь тоненькой струйкой побежала по ее шее и, дойдя до выреза платья, начала впитываться в ткань. Нина Алексеевна провела рукой по столу и нащупала гелевую ручку. Когда женщина крепко сжала ее в кулаке, чтобы нанести себе очередной удар, то услышала в коридоре шум: крик, плач и ругань на фоне звуков копошения, топота и возни, будто там кто-то дрался. Учительница попыталась сосредоточиться, но...

— Она бежит! — раздался женский крик из-за двери.

Нина Алексеевна недовольно вздохнула, и боль от раненого горла растеклась по всей шее.

Снова собравшись с силами, женщина приготовилась ударить, но в этот момент топот прямо возле ее кабинета сбил весь настрой.

Желая довести дело до конца, учительница зажмурила глаза и, стараясь не слышать посторонние шумы, собрала волю в кулак...

— Петров! — взволнованно кричала девушка из коридора. — Сашка! Где ты?!

Нина Алексеевна положила ручку и встала. Вытянув руки перед собой, осторожно пошла в сторону двери сквозь непроглядно черную тьму класса. Женщина вышла в такой же темный, как и класс, коридор, чтобы прогнать мешающих ей хулиганов, но к этому моменту они переместились на лестничный пролет, и вскоре шум стих.

Учительница вытащила из горла карандаш и вонзила его снова, на этот раз сбоку, немного не попав в сонную артерию. Тяжело дыша, она постояла пару секунд и повторила действие.

После третьего укола в шею у Нины Алексеевны задрожали ноги, и спустя мгновение она рухнула, ударившись лицом об пол так, что левый глаз моментально начал заплывать, а из носа пошла кровь. Каран-

даш горе-самоубийца выронила. В надежде отыскать его во мраке она принялась шарить руками по полу. Когда женщина, оставляя за собой кровавый след, проползла пару метров, она все же нашла то, что искала. Проваливаясь в небытие из-за потери крови, Нина Алексеевна успела нанести себе еще один удар...

* * *

Одиннадцатиклассник Александр Петров сидел на последней парте и глядел в потолок. По-хулигански закусив губу, он на ощупь отдирал наклепленные под столом жвачки. Этим делом он занимался целый день и скатал к последнему уроку из жвачек приличный такой по весу шарик размером с мячик для настольного тенниса, который собирался запустить в затылок Лёне. Лёня сидел через парту от Саши, поэтому попасть в него было бы не так сложно. Петров сжал в руке твердый как камень сгусток пережеванной засохшей черной субстанции, вычисляя траекторию полета этого снаряда в голову своего одноклассника. Бедолага Лёня, ничего не подозревая, слушал учите-

ля, выпрямившись за партой и сложа руки перед собой. Большинство одноклассников Саши, будучи старшеклассниками, да еще и на пороге выпуска из школы, мечтали о поступлении в вуз, о карьере, кто-то даже о семье... а Сашка... Сашка катал жвачки в комок, чтобы как следует (не просто так, а как следует!) залепить этим комком в несчастный Лёнин затылок.

Облаков Юрий Эдуардович — их учитель физики — обратил внимание на Сашу, когда тот слегка замахнулся, чтобы совершить бросок. Саша резко опустил руку, услышав свою фамилию.

— Петров, — произнес учитель, пристально глядя Саше в глаза, — чего там у тебя в руке? Ты что опять задумал?

Ученики одиннадцатого «Б» обернулись на Александра.

— Ничего, — ответил Саша и быстро убрал комок из жвачек в карман.

— А ну покажи руки. — Облаков прошел между рядами парт, добравшись до середины класса.

— Ничего я не задумал, — недовольно пробурчал Саша. Подняв руки, он раскрыл ладони и отвернулся в сторону.

— Петров, а вот мы с тебя тогда и начнем, раз уж ты захватил мое внимание. Расскажи нам, пожалуйста, что такое дисперсия света. — Юрий Эдуардович поправил очки.

Саша нехотя поднялся из-за стола и принялся отыскивать в своей памяти хоть какую-нибудь ассоциацию со словом «дисперсия». Этот термин он слышал впервые, но решил попытать удачу, ляпнув следующее:

— Триста тысяч километров в секунду, — сдвинув брови, произнес он и понял, что был далек от истины, когда Лёня захихикал, прикрывая рот рукой.

— Что «триста тысяч километров в секунду»? Я у тебя спрашиваю, что такое дисперсия света? Определение мне дай. Так уж и быть, можно своими словами. — Юрий Эдуардович сверлил взглядом Сашку.

Петров помолчал несколько секунд, а потом, пристально глядя в глаза учителю, с ненавистью в голосе произнес:

— Я не знаю, что такое дисперсия света.

— А чего ты вообще ходишь сюда? — спросил учитель.

«Давай, Саня, — говорил сам себе Петров, — расслабься и просто спокойно смотри на этого идиота».

Саша стоял молча и надеялся, что ему быстренько поставят двойку и отстанут. На оценки Петрову было плевать, лишь бы не приставали с вопросами и не выставляли его глупцом.

Класс продолжал хихикать, а Петров не понимал, чего тут смешного.

— Что молчишь? — Юрий Эдуардович подошел к доске. — Дисперсия света, Петров? Только что же обсуждали. Глаза хоть разуй.

«Я бы тебе разул глаза, — думал Петров, — так бы разул. Сначала левой, а потом правой, и до свидания, Юрец».

Смешки в классе не умолкали. Когда Саша встретился в очередной раз взглядом с Лёней, ухмылка с лица Лёни быстро сползла. В глазах Петрова Лёня прочитал неистовое желание расправиться с ним, Лёней, ботаником по кличке Дарвин. Прозвище это Лёне дали из-за его любви к биологии.

— Я тебе сегодня после школы оторву голову, жирдяй, — тихо процедил сквозь зубы Саша. Лёня после этой фразы совсем скис и отвернулся.

Петров не отличался какими-то габаритами. Он был среднего роста и ве-

са, внешностью заурядной, без особых примет, хотя они пригодились бы в будущем следственным органам, учитывая Сашкин склад характера, ведь когда-нибудь его наверняка будут искать за совершенное преступление. Единственное, чем Петров хоть самую малость отличался от сверстников, так это бледностью лица, контрастирующей с его черными, как вороново крыло, вечно лохматыми волосами.

В соседнем, левом от Петрова ряду сидела Настя — рыжеволосая девушка с веснушками, полными губами и зелеными глазами. Одевалась Настя всегда в джинсы и однотонные кофты. Платья не любила. Сашкина бывшая. Расстались они несколько недель назад из-за того, что Петров напился в очередной раз в маргинальной компании и переспал в подъезде со знакомой Насти. Как эта знакомая оказалась в обществе людей с низкой социальной ответственностью — загадка. Переспал Петров с ней самым неприличным образом, прямо на грязных ступеньках.

— На доску посмотри, — закатив глаза, тихо произнесла Настя, — написано же.

«Да чего же вам всем надо-то!» — В мыслях Саша кипел от злости. Он подошел к Юрию Эдуардовичу и дал учителю подзатыльник, отчего мужчина укатился к двери класса. Петров подбежал к Облакову, схватил его за шкуру и вышвырнул в окно, разбив стекла.

— На доску... — снова произнесла Настя, отвлекая Сашку от его фантазий.

Хихиканье в классе не прекращалось. Петров сфокусировал взгляд на надписи мелом на доске: «Дисперсия света — это разложение света в спектр при прохождении его через призму». После прочтения этого определения в уме Петров повторил его вслух.

— Садись, Петров. Не хочешь ты включать голову... никак не хочешь. — Юрий Эдуардович взял мел и принялся что-то писать на доске. Саша вынул из кармана спрессованные жвачки и со смакованием представил, как спустя несколько секунд гадкий Лёня будет корчиться от боли, держась за затылок. Пока учитель стоял, повернувшись к классу спиной, Петров полубоком развернулся в замахе и прицелился увесистым снарядом в Лёню. Краем глаза

Саша увидел, что Настя смотрит на него. Петров повернулся к девушке и вопросительно кивнул ей, мол, что надо-то? Чего смотришь, овца? (Скорее всего, именно такие мысли были у Сашки в этот момент.) Настя повертела пальцем у виска, глядя на Петрова как на идиота, кем он и являлся в ее восприятии. Петров снова прицелился в толстого Лёню. Достигнув максимальной концентрации сознания, очистив мысли и разум и, наверное, сердце (почти как самурай!), он со всей силы швырнул твердый комок жвачек в Лёню...

Говорят, что в критической ситуации время замедляется. Так и у Петрова оно замедлилось, когда он понял, что шарик пролетел над головой ненавистного ему одноклассника и устремился дальше. Минуя Васю и Петю, Кирилла и Катю, минуя отличниц Дашу и Марину, сидящих на первой парте, и... и не минуя лысой макушки Юрия Эдуардовича...

С глухим звуком каменный шарик из жвачек отлетел от головы учителя физики. Юрий Эдуардович схватился обеими руками за затылок и стоял, чуть ссутулившись, не поворачиваясь секунд двадцать. В классе

повисла тишина. Петров вжался в стул. Тишина буквально облепила и сковала Петрова. Вскоре учитель сел на корточки, все так же держась за затылок. Сидел молча. Спinoй. Вообще ничего не говорил. Хоть ойкнул бы! Но нет. Молчал. Петров подумал, что преподаватель умирает.

— Юрий Эдуардович, — робко произнесла Настя. Но учитель физики ничего ей не ответил. Он лишь поднял указательный палец вверх. Петров не понял, что этот жест сейчас означает. Возможно, палец указывал на бога, который все видит и накажет Петрова, а возможно, Облаков попросил Настю подождать и не приставать в такой неподходящий момент. За двадцать пять лет работы в школе Юрию Эдуардовичу ни разу ничего не прилетало в голову от учеников. Вопиющая наглость со стороны Петрова. Воистину Сашка потерпел фиаско в неравной борьбе за аттестат.

Преподаватель все же встал. Заправил рубашку в брюки (та вылезла, когда он сел). Развернувшись к классу, учитель тут же поймал злобным взглядом Петрова, который, сморщив лицо, смотрел чуть искоса на Юрия Эдуардовича.

* * *

Девять миллиардов световых лет от Земли

Квадратный, Круглый, Треугольный, Овальный и Ромб стояли возле мертвой Трапеции, лежащей в коридоре лаборатории. Трапеция была практически разорвана на две части. Обожженные внутренности существа распутившимся цветком небрежно торчали из торса. На белой пластиковой стене возле тела яркими пятнами была размазана синяя кровь Трапеции, будто художник-импрессионист оставил грубые мазки большой малярной кистью.

— Кто нашел труп? — спросил Овальный.

— Я шел из колебаторной и увидел Трапецию, она лежала тут. Я ничего не трогал, — сказал Треугольный.

Овальный склонился к телу, чтобы лучше рассмотреть рану. Синяя кровь Трапеции все еще сочилась, стекая на холодный металлический пол тускло освещенного коридора.

— Я проверял пульт, — начал рассуждать Овальный. — Треугольный настраивал коле-

батор. Где были Круглый, Ромб и Квадратный?

— Я находился в центре управления, — сказал Ромб.

— Мы с Круглым запускали реактор, — ответил Квадратный.

— Вы с Круглым были в одном помещении? — спросил Овальный.

— В разных, — произнес Квадратный.

— Убили из выжигателя, — сделал очевидный вывод Треугольный. — Она погибла недавно, возможно, несколько пульсаций назад. И мы все были в разных местах в это время.

— Нас тут теперь пятеро, — с подозрением начал Ромб, — вы же понимаете, что никто больше не мог сюда проникнуть?

— Ты на что намекаешь? — грубо выпалил Круглый.

— На то, что кто-то решил остановить эксперимент! И этот кто-то — один из нас! — Ромб приблизился к Круглому.

— Если били из выжигателя, то у кого-то сейчас должно быть меньше зарядов, — заключил Квадратный.

Овальный достал свой выжигатель.

— У меня заряд полный, — произнес он. Ромб тут же выхватил свое оружие и направил его на Овального.

— Быстро опусти! — крикнул Ромб.

— А ну все к стенке! — Треугольный прицелился в Ромба и отодвинулся в сторону, так, чтобы всех видеть.

— Тише, тише! — Квадратный сместился назад, в противоположном от Ромба направлении, и тоже вытащил оружие.

— А ну замри, — Ромб навел выжигатель на Квадратного.

В этот момент Круглый взял Ромба на прицел.

— Сейчас нам всем надо сложить выжигатели и подумать, как быть дальше, — сказал Круглый, глядя на Ромба.

— Я точно знаю, что я не убийца, а значит, для меня убийца — один из вас четверых! С чего я должен складывать оружие?! — Ромб целился то в Квадратного, то в Круглого.

— А с чего нам знать, что ты не убийца? — возмутился Треугольный.

— А мне плевать, что вы там знаете или не знаете, — произнес Ромб.

— Если мы сейчас перебьем друг друга, — начал Квадратный, — то все будет

провалено, надо что-то делать, времени у нас не так много. Поле долго не продержится!

— Надо запускать колебатор, пока они не ворвались сюда! — воскликнул Овальный.

— Значит, так, — нервно начал говорить Ромб, — сейчас мы все медленно кладем выжигатели на пол, интерфейсом вверх, так, чтоб было видно количество заряда, ясно?

Напряжение зашкаливало. Оно чуть ли не физически повисло в хлоре. Пятеро существ одновременно сложили оружие на пол голограммами вверх. Встав в кольцо вокруг выжигателей, ученые увидели, что на всех голографических интерфейсах сфера заряда полная.

— Либо он мог зарядить, либо здесь есть еще один выжигатель, — сказал Квадратный.

— Он бы не успел зарядить, — уверенно произнес Круглый.

Квадратный посмотрел в конец коридора на силовое поле в виде желтого пятна, обволакивающего входные двери в лабораторию, — пятна, защищающего их от угрозы внешнего мира.

— Мы теряем время. Надо начинать эксперимент, — сказал Квадратный. — Теперь будем ходить по двое и по трое.

— А если убийца окажется со мной в паре? — недоверчиво произнес Ромб.

— Если он будет с тобой в паре, он не убьет тебя, потому что сразу выдаст себя, — сказал Квадратный.

— Коллеги! А Трапеция вообще успела ввести параметры движения электрона?! — воскликнул Круглый.

Ученые переглянулись, и мигом все пятеро рванули в центр управления колебатором. Миновав по коридору помещение для отдыха, столовую, пульт и уборную, они оказались в просторной комнате с мониторами, висящими на стене. Треугольный приблизился к экрану, за которым работала Трапеция. Открыв таблицу интерфейса электрона, все принялись изучать данные.

— Успела, — сказал Треугольный, — но теперь кто-то всегда должен оставаться здесь и следить, чтоб убийца не повредил компьютеры.

— Очевидно, он убил Трапецию первой, потому что она единственная знала параметры для частицы, но она успела ввести

их, — заключил Квадратный. — Ромб, ты сказал, что был тут, когда убили Трапецию?

— Да, — произнес Ромб.

— А с чего нам тебе верить? — усомнился Круглый.

— Когда я наткнулся на мертвую Трапецию, я видел, как Ромб выходил из центра управления, он не врет, — сказал Треугольный.

— Хорошо, значит, Ромб не может быть убийцей, ведь иначе он бы уничтожил все компьютеры, — предположил Квадратный.

— Чтоб сорвать эксперимент, убийце было бы достаточно избавиться от Трапеции и разбить всю эту технику, — подтвердил Овальный идею Квадратного. — Я тоже считаю, что Ромб не убивал Трапецию.

— А что, если он специально не уничтожил компьютеры, чтоб не выдать себя? Может, он ищет более удобный способ? — скептически заключил Круглый.

— Мы и так погибнем, после того как поле рухнет, какой мне теперь смысл дорожить своей жизнью? — парировал Ромб.

— Когда они сюда ворвутся и узнают, что ты остановил эксперимент, тебя пощадят, — сказал Круглый.

— Предлагаю перейти к делу, — начал Квадратный. — Самое главное сейчас — не дать убийце разрушить компьютеры. Второе — Треугольному нужно идти в лабораторную и готовить аппарат. И кого-то надо поставить на контроль подачи энергии, иначе все может сгореть.

— А если убийца повредит колебатор? — сказал Овальный.

— Колебатор выжигателем не получится повредить, — произнес Ромб. — Чего ты там выжигать собрался им?

— Надо начинать, — сказал Треугольный.

— За компьютерами придется оставить следить Ромба, он уже был тут один и не разрушил их, потому вероятность того, что он убийца, ниже, чем у нас. Все согласны с этим? — спросил Квадратный.

— Я согласен, — произнес Овальный.

— Согласен, — сказал Треугольный.

— Я не могу не согласиться, — ответил Ромб.

— А я вот против, — возмутился Круглый. — Охранять центр управления должны двое. Мы же договорились, что ходим парами или тройками.

— Кто-то должен всегда быть здесь, кого-то надо отправить на контроль подачи энергии и там оставить до конца эксперимента, а кто-то идет на колебатор, и при этом мы решили, что никто не ходит поодиночке. У нас не получится так разделиться, — Овальный озадачил коллег.

— Может, тогда не стоит оставлять охрану здесь? Я предлагаю, чтоб двое пошли на контроль подачи энергии и остались там до конца. Трое идут настраивать колебатор, потом за пульт, — выдвинул идею Треугольный.

— А что, если среди тех двоих, кто будет контролировать подачу энергии, окажется убийца? — задумчиво произнес Круглый. — Он убьет своего напарника, спокойно доберется до центра управления и разрушит компьютеры.

— Но тогда ему придется дать бой оставшимся троим, — сказал Ромб. — Убийца не пойдет на такой риск для себя.

— Пусть здесь останутся трое, — произнес Квадратный. — Это буду я, Ромб и Круглый. Овальный пойдет на контроль подачи энергии, а Треугольный займется подготовкой колебатора к запуску.

— А если Треугольный окажется убийцей и уничтожит Овальный или наоборот? — спросил Круглый.

— Тогда, как мы и говорили ранее, убийца выдаст себя, — сказал Квадратный. — При этом компьютеры останутся целы и под защитой, ведь мы будем тут, да еще и расклад сил в нашу пользу — трое против одного. Мы будем контролировать вход сюда. Будем готовы стрелять.

Ученые единогласно одобрили идею Квадратного. Треугольный направился к колебатору частиц, а Овальный — к контролю подачи энергии, но перед этим, из эстетических соображений, присущих всему разумному во Вселенной, Овальный и Треугольный отнесли труп Трапеции в модуль отдыха.

Квадратный стоял напротив мониторов и рассматривал бесконечное количество показателей поведения частицы, которые передавались с колебатора. Круглый опустился на посадочную плоскость для отдыха. Не сводил светоприемники с Ромба. Ромб отошел к стене напротив входа. Все трое молчали.

«Имеем ли мы право вмешиваться в судьбу Вселенной? — размышлял Квадрат-

ный. — Что, если мир был задуман создателем именно таким, какой он есть? Но что, если нет никакого создателя? Если все это спонтанный всплеск? Все получилось из ничего и без причины. Если наша Вселенная — это следствие «ничего» и это «ничего» не имеет мотивов и воли, то в таком случае кому-то надо взять бразды правления в свои руки».

* * *

— Пошел вон отсюда, — прорычал на Петрова Юрий Эдуардович. Лицо его было красное. Прямо полыхало! Хорошо, что Петрову не пришло в голову рассуждать на тему: «А с чего вы взяли, что это я в вас кинул?»

Петров встал, сунул учебник с тетрадкой в рюкзак и молча вышел из класса.

Через полчаса Сашка стоял возле школьной калитки, прислонившись спиной к металлическому решетчатому забору. Этим прекрасным осенним днем светило теплое солнце и небо было безоблачным. Петров курил, глядя на изредка проезжающие мимо машины. Курил и ждал Лёню. Ученики

провинциальной школы постепенно выходили из калитки. Некоторые здоровались или прощались с хмурым Петровым, а Лёни все не было.

«Может, он через забор перелез? — подумал Саша, оглядываясь. — Хотя нет, как этот жирдяй перелезет».

Петров докурил и прошел через калитку, зайдя на школьный двор. Вдалеке Сашка увидел размахивающего пакетом со сменкой, бодро шаркающего ногами Лёню, который тоже заметил Сашку. На мгновение Дарвин остановился, а потом продолжил движение, но уже чуть медленнее, с неохотой. Первое, что бросалось в глаза в образе Лёни, — это не его редкие усики, не его живот, на котором рубашка натянулась так, что пуговицы грозили оторваться, не его низкий рост и даже не постоянно красные от купероза щеки. Первым делом люди обращали внимание на его развернутые наружу стопы. Лёнин шаг напоминал походку Чарли Чаплина, разве что трости да шляпы нет.

— Пошли поговорим, Дарвин, — Саша прихватил Леонида под руку и направился с ним в сторону от калитки.

— Я тебе ничего плохого не сказал, — произнес Лёня, нелепо перебирая ногами. — Да, я смеялся. Возможно, тебе это показалось унижительным, но ты сам виноват в этом. На доске с самого начала был написан ответ на вопрос, а ты его не видел.

Лёня не смотрел в глаза Петрову. Сашка схватил одноклассника за ухо, отчего тот заохал и покраснел еще больше, выронив пакет со сменкой.

— Деньги есть? — Саша оглянулся. На школьном дворе никого.

— Я на обеде все потратил. — Лёня схватил Петрова за руку и попытался сорвать ее со своего уха, но ничего не вышло.

— Карманы выворачивай, — произнес Петров.

— Если хочешь кого-то ограбить, грабь после первого урока. Можно еще на втором уроке, до большой перемены. Говорю же, я все проел в столовой. — Лёня вывернул карманы брюк. Там были только ключи и телефон. Дарвин — единственный ученик в классе, кто носил обычные черные брюки со стрелками.

— Ах ты скотина жирная! — Петров второй рукой дал подзатыльник Лёне.

— Согласен с тем, что у меня есть лиш-
ний вес, но вот скотиной я не являюсь по
определению. — Лёня говорил с трудом,
стиснув зубы из-за боли в ухе. — Ну а если
ты меня сравниваешь с животным, исходя
из моих моральных принципов, а не внеш-
ности, то в этом случае на скотину больше
похож ты. Это не оскорбление, просто кон-
статация.

«Еще и огрызается, — подумал Саша. —
Ну, теперь я от него точно не отстану».

Петров снова дал Дарвину подзатыль-
ник.

— Я тебя сейчас тут уничтожу! — Сашка
разозлился еще больше.

— Я не могу тебе помочь. Это не ко мне
вопрос. Ищи проблему внутри себя, — зата-
раторил Лёня. — Если б я мог урегулировать
конфликт силой, то я бы, наверное, сейчас
ударил в ответ. Это бы успокоило тебя, ведь
ты не ожидаешь отпор от меня. Беда в том,
что я не умею бить.

— Телефон давай сюда. — Петров сжал
со всей силы уже припухшее ухо Лёни.

— Если ты заберешь телефон, я пойду
в полицию, — пыхтел Лёня. — На самом
деле у тебя сейчас безнадежная ситуация.

Ты ничего не сможешь со мной сделать. Хоть мне сейчас и больно, но я могу такое терпеть.

Саша отпустил Лёню.

— Безнадёжная ситуация? Ты чего это такой храбрый? — Сашка резко дернул кулаком, имитируя удар, немного не доведя руку до лица Дарвина.

— На самом деле я не храбрый. Я сейчас очень боюсь. — Лёня сделал шаг назад и уперся спиной в забор. — Но я вижу всю абсурдность этой ситуации. Неужели ты не понимаешь бессмысленность своей агрессии? Ты же ничего не добьешься от меня.

Дарвина Петров ненавидел не просто так, как это может показаться на первый взгляд. Пару месяцев назад, когда Петров был еще с Настей, до него дошли слухи, что Дарвин признавался ей в симпатии. С того момента Сашка и начал периодически приставать к Лёне. То пинка отвесит, то бумажку на спину приклеит с оскорблением, а однажды, пока все были на физкультуре, Петров с другом зашли в раздевалку (физкультуру Сашка обычно прогуливал) и нахаркали Леньке в ботинки. Целое болото в ботинках Лёни устроили! Видели

бы вы лицо Дарвина, когда он сунул ногу в обувь и тут же промок. В общем, мерзко было Лёне. Петров тогда чуть не лопнул от смеха. А сейчас Петров очень злился. Но и растерян он тоже был, ведь никто из тех, кого Петров ранее пытался «обуть» на деньги или телефон, не угрожал ему полицией. А тут такая наглость!

— Ты Настьке говорил, чтоб она не общалась со мной?! — припомнил Петров, перескочив на другую тему.

— Да, говорил, но это было давно, и она, к счастью, с тобой больше не проводит время. Тебя после школы, скорее всего, ждет тюрьма, а у нее должна быть светлая жизнь. Я рад, что вы расстались, — выпалил Лёня и потер больное ухо.

Петров никогда не занимался боевыми искусствами и на самом деле, так же как Дарвин, драться не умел. Но дрался Сашка часто. Кое-как дрался. Махал руками — бил недругов, недруги били его, в общем, после боя все оставались с синяками и расплзались в разные стороны. Сильная сторона Петрова была в том, что он не испытывал страха перед схваткой и мог броситься даже на нескольких противников.

Сашка «по-колхозному» кинул кулак и попал Дарвину в скулу. Лёня, всхлипнув и пошатнувшись, схватился за лицо.

— Ты что творишь! Отмороженный! — крик Насти заставил Петрова обернуться.

Девушка уверенной походкой двигалась в сторону своих одноклассников. Губы ее были надуты от злости.

— Ты чего руки распускаешь, а? — Настя подошла вплотную к Петрову и смотрела на него снизу вверх.

— Гном, иди отсюда, — с ухмылкой произнес Саша.

— Гном?! — звонко воскликнула девушка.

Настя была невысокого роста, чуть меньше метра шестидесяти, и с большой грудью. С натяжкой девушку можно было назвать полноватой. Петров, когда они еще встречались, ласково звал Настю гномиком. Все в классе считали девушку красивой.

— Я тебе сейчас дам «гном»! — Настя начала бить Петрова ладошками, целясь в лицо, но Сашка чуть отпрянул и прикрылся руками. Настя возненавидела Петрова после того, как узнала про случай в подъезде с ее знакомой, и сразу же рассталась с ним. Сейчас она одна, ни с кем не встречается.

Наверное, если бы не их прошлые отношения и его измена, то Настя прошла бы мимо и не стала бы вмешиваться в конфликт. Девушка до сих пор чувствовала сильную обиду на Сашку. Он был ее первым парнем, можно даже сказать, первым ее мужчиной — и первым разочарованием в отношениях. В ее шестнадцать лет ей казалось, что мужики на планете Земля в душе все такие, как Петров.

— Да чего ты лезешь-то, гномиха? — Сашка не мог сдержать смех. Он оттолкнул девушку от себя. Лёня, до этого тихонько стоявший, держась за ушибленную скулу, вдруг воспрял духом.

— Кто тебе позволил толкать ее? — храбро произнес Дарвин. Лёня выпятил вперед грудь и распрямился, возможно, впервые в жизни. Так-то он всегда сутулился.

— Ого, да вас уже двое? — Петров улыбался. — Двое против одного, это нечестно.

— Извинись перед ней! — Лёня подошел к Сашке и встал перед ним. Уперся своим лбом в его лоб, приподнявшись на мысках. Петров еле сдерживал смех, а Лёня сторал от гнева. Таким страшным Лёню еще никто не видел.

Вообще, глупо перед дракой стоять возле противника, упираясь в него головой, ведь враг может с легкостью ударить коленом в пах. Но Лёня о том не думал. Сейчас был его звездный час — момент, когда Дарвин мог произвести впечатление на Настю.

— Ты жалкий неуч! Лоботряс и бездельник! — Лёня с трудом вспомнил оскорбления, которые можно было бы применить. — Чего тебе все смешно?! Ты... ты лентяй и двоечник!

От таких «грязных» ругательств Петров начал смеяться чуть ли не до колик. Настя не смеялась. Она была удивлена, ведь Дарвина все считали трусом, а тут он выдает такое спартанское мужество. Секунд через десять Сашка немного пришел в себя и схватил Лёню за горло. Тот захрипел, и храбрость с его лица быстренько испарилась.

— Может, тебе кадык вырвать, а? — Петров резко переменился. От бывшего веселья ничего не осталось.

Настя не растерялась и решила помочь Лёне, который, кстати, ее очень сильно бесил, но сейчас это было неважно! Ведь тут появился такой яркий повод надавать как

следует Петрову... Девушка подобрала с асфальта пакет с туфлями Лёни и попыталась со всего размаху ударить им по голове Сашку.

Иногда в жизни все случается не так, как ты запланировал. Хотя, возможно, ты очень ответственно подходил к делу. Промахи и неудачи — это обычное явление.

Неудачи...

И промахи...

Звон в ушах Дарвина не стихал. Из разбитого его же собственной сменкой носа сочилась кровь. Лёня сидел на асфальте и пытался собрать в кучу размножившееся изображение ругающихся перед ним Петрова и Насти. Дрожащей рукой он, как ему подумалось, вытер кровь, но, по сути, просто размазал ее по щеке. Задница его промокла, потому как присел он как раз в небольшую лужицу. Но из-за притока адреналина мокрую попу Дарвин не чувствовал, как и боль в разбитом носу.

Настя дала Петрову пощечину.

— Давай начистоту, — сказал Сашка. — Ты же подошла сюда не Дарвина защищать. Чего тебе от меня надо?

— От тебя? Ничего мне от тебя не надо!

— Ну так иди домой или куда там ты шла! — Петров перешел на крик.

— Вот и пойду! — Девушка повернулась к Лёне и протянула ему руку: — Пошли, Дарвин.

Настя кое-как подняла неуклюжего Лёню. Тот пока еще находился в прострации, но, видать, уже что-то соображал, потому как смог произнести:

— Спасибо, Настена.

— Дарвина я никуда не отпускал. — Петров сделал шаг в сторону все еще держащихся за руки одноклассников.

— Тебя никто не спрашивал, — огрызнулась девушка. — Пойдем, Лёня.

Петров схватил Дарвина за шиворот.

— Да угомонись ты уже! — Настя выпучила глаза на Сашку.

Юрий Эдуардович сумел незаметно подойти к дерущимся. Школьники обратили на него внимание, только когда он заговорил:

— Завтра, Петров, я буду говорить с директором по поводу твоего отчисления из школы. — Юрий Эдуардович поправил очки.

— Это еще за что? За то, что я случайно попал в вас жвачкой?! Я не хотел! — возмущенно произнес Петров и отпустил Лёню.

Все трое смотрели на учителя.

— Нет, Петров. За то, что с тобой постоянно возникают какие-то проблемы. То ты дрожжи в унитаз кинешь, то петарду в карман уборщицы засунешь, то в туалете накуришь... Пьешь! Дерешься! Отнимаешь у младших классов деньги! Ты неадекватный! Есть спецшколы для таких, как ты, — для трудных подростков. На педсовете на тебя жаловались все учителя, кроме физрука. И то физрук не жаловался только потому, что ты постоянно прогуливаешь его уроки.

— Никогда я не отнимал у младших деньги! Только у ровесников! — возмутился Петров. — Это моя принципиальная позиция! А уборщица эта тупая меня веником ударила за то, что я бычок бросил в туалете!

— В туалете вообще курить нельзя, Петров! Это школа! — ругался учитель. — Ты вообще, что ли, не... не... я даже не знаю, как с тобой разговаривать.

Облаков рассмотрел окровавленное лицо Лёни.

— И снова драку устроил на территории школы, — добавил учитель.

— Вообще-то это не я его ударил, — оправдывался Петров.

— Конечно, не ты. Еще скажи, что он сам себе нос разбил. Или, может, это Настя его так? — усмехнулся Юрий Эдуардович.

— Ну, вообще-то, да! Это Настя! Она его пакетом! Скажи же, Дарвин, — произнес Петров.

— Юрий Эдуардович, он все врет! Этот сумасшедший напал на нас! Он поджидал Лёню тут. — Настя подошла к Облакову и встала с ним плечом к плечу напротив Сашки и Лёни.

— Я и не сомневаюсь, Настенька, — сказал Облаков.

— Врать нехорошо. — Лёня еще раз провел рукавом по лицу. — Нос мне на самом деле разбила Настя, но она сделала это, пытаясь спасти меня от Петрова.

— Ха! Что? Съела? Гномиха! Очернить меня вздумала?! — захихикал Петров. — Молодец, Дарвин!

— Дурак ты, Леонид, — спокойно произнесла Настя.

Юрий Эдуардович сделал глубокий вдох и покачал головой:

— Вроде одиннадцатый класс, а ведете вы себя... — Облакову на мгновение стало

как-то грустно. — Деретесь, как... как дети малые.

— А вы будто никогда не дрались, — дерзко произнес Петров.

Внезапно в своем сознании Облаков переместился в далекое прошлое. В семнадцать лет ему пришлось поучаствовать в единственной в жизни драке, когда на первом курсе после пар он с друзьями оказался в компании студентов из другого вуза. В тот день все были выпившие, и случилась заварушка из-за недопонимания. Семнадцатилетний Юрий Эдуардович в момент самой драки поскользнулся и упал, так и не успев никого ударить. А один из друзей Облакова случайно дал ему в лицо ботинком — видать, перепутал в пылу поединка. В общем, пока молодой Юра вставал, бой уже отгремел и противоположная сторона ушла с победой. Облаков ковылял тогда домой с разбитой губой, а лицо его было все в грязи.

— Дрался, дрался, — гордо произнес Облаков, — бывало... но только в целях самообороны и защиты близких.

На самом деле тем случаем Облаков совсем не гордился. Да и близких у него ника-

ких нет. Пару лет назад жена ушла от него со словами: «Ты, Облаков, бедный и инфантильный».

— Но Петров тоже меня ударил, — сказал Лёня, отойдя на пару шагов от Саши. — А еще он собирался отнять у меня телефон. Это уже уголовно наказуемо.

— Готовься, Петров, к переходу в другую школу. Завтра я поставлю вопрос о твоём отчислении. Хотя зачем медлить, я прямо сейчас позвоню директору. — Юрий Эдуардович достал телефон.

— Знаешь-ка что, Юрец, — обратился к преподавателю Сашка, — да и плевать я хотел на тебя и твою школу. Выгоняй!

— Как ты меня назвал?! Какой я тебе еще Юрец?! — От такой наглости со стороны Петрова у Облакова очки уехали на лоб.

— Да тебя все так называют за глаза, Юрец, — нервно усмехнулся Саша. — А что, ты не Юрец, что ли?

Учитель подошел к Петрову на расстояние шага.

— Я для тебя Юрий Эдуардович, ясно?! — злобно выпалил Облаков так, что забрызгал Петрова слюной.

— А какая мне разница? Если меня все равно отчисляют! — Петров махнул рукой на преподавателя, а потом вытер лоб.

— Был бы у тебя отец нормальный, — ехидно начала Настя, — он бы тебя воспитал как надо, а так получилось... не пойми что. Некому тебе было ремня дать как следует!

— Ты рот свой закрой! — Петров направился в сторону Насти, но Облаков задержал Сашку.

— Против генов не погрешь, — ухмыльнулась Настя.

— Ты отца моего не трожь, шалава!

— А то что?! Если б он не пил как проклятый, то следил бы за тобой! — девушка продолжала провокацию.

— Сука! — Петров был в ярости.

— Импотент! — Настя — тоже.

— Импотент?! Я импотент?! Ты чего несешь?! Сама меня отшивала вечно! Хотя нет, был один раз за год, когда ты что-то предложила. В лифте тогда, помнишь? Катка вон в лифте как-то... и мне хотелось бы... — кривлялся Петров, передразнивая Настю. — Помнишь, что было в лифте?! Давай ты сзади, Сашенька...

— Быстро перестаньте! — Облакова было еле слышно.

— Ах ты тварь! — У Насти аж затряслись руки. — Трепло дешевое! Я вот про тебя ничего не рассказывала!

— А тебе и нечего сказать, дура!

— Да? Нечего?! А как я тебя будила на даче у Буравлева, когда ты перепил и обоссался? Все трезвые были, один ты нажрался там!

— Не было такого!

— Было!

— Иди подмышки побрей, уродка!

— Ой, один раз летом щетину заметил, теперь ходишь всем болтаешь! Обоссанец! Трепло!

— Так! — крикнул Юрий Эдуардович. — А ну замолчали! Что вы тут устроили?!

— Отпусти меня! — Сашка пытался отпихнуть от себя Облакова.

Никто не понял, какие синапсы замкнулись у Лёни в мозгу, когда он произнес:

— Волосы под мышками — это обычное дело.

— Уйди отсюда! — Настя оттолкнула Дарвина. — Нет у меня там никаких волос!

— Да что же вы за люди-то такие! — Юрий Эдуардович из последних сил держал брыкающегося Петрова.

Неожиданно в квартире одного из домов напротив школы раздался взрыв. Грохот остудил пыл беснующихся Петрова и Насти. Все четыре участника уличной разборки замерли, глядя через решетку забора на дым, валищий из квартиры третьего этажа. Несколькими этажами выше распахнулось окно, и оттуда высунулась женщина. Она посмотрела вниз, а спустя секунду перевесилась через подоконник и осталась в таком положении, балансируя между жизнью и смертью. В этот момент случилось несколько автомобильных аварий лоб в лоб напротив Петрова и компании. Кто-то выпрыгнул с балкона последнего этажа пятиэтажки, но увидеть завершение падения человека никто не успел — на улице резко потемнело.

Только пятно солнечного диска бледнело на черном небосводе, напоминая свет в конце тоннеля.

— Все живы?! — нервно произнес Облаков.

— Да, — ответил Лёня, пытаясь нащупать хоть кого-то во тьме. Он нащупал живот

Юрия Эдуардовича. Учитель схватил Лёню за кисть.

— Настя, Саша, вы тут?

— Да, — произнесла девушка, разводя руками во тьме. Через мгновение Дарвин всхлипнул.

— Это я, — сказала Настя и взяла Лёню под руку.

Где-то прогремело еще несколько взрывов, похожих на утечку газа. Периодически с разных сторон доносились крики людей.

— Мы ослепли? — спросил Петров.

— Не похоже, — ответил Облаков, — вон солнце.

Все уставились на желтый круг в небе, который ничего не освещал. В некоторых домах горели квадраты света, сочившегося сквозь окна.

— Главное, не паникуйте, — произнес учитель.

— Никто и не паникует, — сказал Петров.

— Я паникую, — еле слышно простонал Дарвин, — только я тихо паникую.

— Не паниковать? Там кто-то из окна выбросился. Что вообще происходит? — дрожащим голосом произнесла Настя.

По телу Петрова пробежал озноб. Парню показалось, что на улице опускается температура.

— Сейчас я попробую посветить, — сказал Облаков.

Юрий Эдуардович достал из внутреннего кармана пиджака телефон и включил фонарик.

— Свет есть, но он почему-то не рассеивается, — произнес учитель.

Луч фонаря метался по асфальту, потом переместился на Настю. Девушка зажмурилась глаза и прикрыла луч рукой.

— Что значит «не рассеивается»? — спросил Петров.

— Значит, что он освещает только то место, куда попадает, — ответил Облаков. — Видите четкую границу света и тьмы?

Все уставились на овал света от фонаря на асфальте. За пределами овала ничего не было видно.

— Когда ночью я включаю фонарик, то вокруг того места, куда я направляю луч, освещение остается скудным, — сказал Петров.

— Все верно. Но свет в нашей атмосфере не может иметь четкий контур, — продолжил учитель, — он должен слегка освещать